

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

Иван Петрович
ПНИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

im WERDEN-VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2002

Содержание

Стихотворения

1. На вопрос: «Что есть Бог?»	3
2. Сравнение старых и молодых людей... ..	3
3. Слава	3
4. Стихи на сон	6
5. Любовь	7
6. Превременинные родины (<i>подражание Руссо</i>)	7
7. Южный ветер и Зефир (<i>Басня</i>)	8
8. Терновник и Яблоня (<i>Басня</i>)	9
9. Верховая лошадь (<i>Притча</i>)	10

Стихотворения, приписываемые Пнину

10. Различие между роскошным и скупым человеком	11
11. Царь и придворный (<i>Сказка</i>)	11

Приложение: В. Боцяновский «Пнин»	12
---	----

Иван Петрович Пнин (1773-1805) был незаконным сыном фельдмаршала Н. В. Репнина, и это обстоятельство наложило отпечаток на его судьбу. Он был воспитан как дворянин из состоятельной семьи, окончил Инженерно-артиллерийский корпус и получил чин офицера. Однако ожидания Пнина, что Репнин узаконит свое отцовство и включит его в число наследников огромного состояния, не оправдались: он не был даже упомянут в завещании. Порицанию несправедливых законов о незаконнорожденных детях дворян был посвящен памфлет Пнина «Вопль невинности, отвергаемой законами» (1802), обращенный к Александру I. Как можно судить, решение отца разрушило многие надежды Пнина и ускорило его смерть от чахотки. Пнин был типичным поэтом-идеологом эпохи Просвещения. Его довольно умеренные убеждения сформировались к 1798 г., когда он вместе с А. Ф. Бестужевым начал издавать «Санкт-Петербургский журнал». На его страницах находили отражение некоторые идеи просветительской философии и новейшей политической экономии, пропагандируемые кружком ближайших друзей Александра I, которыми Журнал субсидировался. Взгляды Пнина наиболее полно выразились в «Опыте о просвещении относительно к России» (1804), книге, тогда же запрещенной цензурой к переизданию, несмотря на поддержку, оказанную автору П. А. Строгановым и Н. Н. Новосильцевым. В конкретно русских условиях просветитель Пнин предлагал сохранить сословную иерархию, но требовал постепенного освобождения крестьян как условия для окончательного «просвещения» общества. При этом все практические надежды он возлагал на монарха. Начало царствования Александра I было временем наибольших литературных успехов Пнина. Он вновь печатается в журналах, готовит сборник «Моя лира», впрочем так и не изданный; его авторитет очень высок среди молодых сослуживцев по Министерству народного просвещения. В 1802 г. они избирают Пнина членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», а в 1805 г. — его президентом. Принять активное участие в деятельности Общества Пнин не успел, но сочлены многое сделали для увековечения его памяти.

© «Im-Werden-Verlag», 2001. Исправлено и дополнено, 2002

© 1-5, 10-11: «Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», Большая серия Библиотеки поэта, Л., 1979

© 6: «Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века», Большая серия Библиотеки поэта, Л., 1969

© 7-9: «Русская басня XVIII-XIX веков», Большая серия Библиотеки поэта, Л., 1977

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. НА ВОПРОС: «ЧТО ЕСТЬ БОГ?»

Сего нам Существа определить невозможно!
Но будем почитать Его в молчаньи мы:
Проникнуть таинство бессильны всех умы,
И чтоб сказать — что Он? — самим быть богом должно.

<1798>

2. СРАВНЕНИЕ СТАРЫХ И МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ОТНОСИТЕЛЬНО К СМЕРТИ

Не многим юноша чем старца превосходит,
И в участи их та лишь разность состоит,
Что к старцу смерть сама во сретенье бежит,
Напротив, юноша ко смерти сам подходит.

<1798>

3. СЛАВА

Блестящий призрак, дочь химеры,
Честолюбивых душ кумир!
С какой волшебной льёшь ты сферы
Свои лучи на целый мир?
Ты блеском солнце помрачаешь,
Пречудные дела рождаешь
Волшебным прутом ты своим;
Коснёшься ль твёрдой скал вершины —
Мгновенно злачные долины
На место скал гранитных зрим.

О, сколько все стези те странны,
Чрез кои мнят достичь тебя!
Герои, мудрецы, тираны,
Прославить все хотят себя.
Один — в победах над врагами,
Другой — рассудка чудесами,
Последний — тяжестью цепей.
Тот пышны храмы созидает,
Другой их в пепел превращает,
Мня славным быть чрез подвиг сей.

О Слава! изо всех тиранов
Ты самый лютей для людей!
Воззри на тьму сих истуканов
И на число их алтарей,
В различных видах их узнаешь,
Что ты в кумирах сих блистаешь
И что тебе жгут фимиам.
Разрушь, разрушь очарованье!
И в полном покажи сиянье
Стезю к тебе прямую в храм.

Что слышу? Мне богиня вняла
И на роптание моё
В трубу златую так вещала:
«Я заблужденье зрю твоё,
И зрю, как скор во всём бываешь;
Несправедливо осуждаешь,
Чего не ведаешь ты сам.
Итак, познай, о бедный смертный,
Что только есть один путь верный,
Ко мне ведущий прямо в храм.

Сей путь осыпан не цветами,
Во храм не Флоры ты идёшь.
Но бездны с страшными горами
Ты на пути ко мне найдёшь;
И если дух твой содрогнётся,
Заночует сердце и забьётся
От страху сильно во груди, —
Беги сих скорой мест стопою
И с робкою своей душою
В мою ввек область не входи.

Но если, мужеством пылая,
Исполнен жара ты сего,
Пучины, горы презирая,
Себя превыше зришь всего;
Гигантскою ногой ступая,
Стремнин и гор не примечая,
По малым мнишь идти буграм, —
Тогда со звучными трубами
И с знаменитыми мужами
Сама тебя введу в мой храм.

Введу — и на престол с собою
В венце блестящем посажу, —
С какою твёрдою душою
Тогда я миру покажу:
Превозмогал ты все преграды,
Во благе общем зря награды,

То духом Сцеволы горел,
Как Курций, бездны презирая,
Для пользы общей погибая,
Быть равным сим мужам хотел».

«Хотел!» — восторгом упоенный,
Уже готов я был вещать —
«Постой, постой, о дерзновенный!
Богиня, дав мне знак молчать.
Сим речь свою окончивает:
Что славу всяк в нём разделяет
Ценою настоящих дел.
Служа Отечеству трудами,
Творя добро пред всех очами,
Чтоб всяк пример в добре том зрел.

Пример сильнее наставлений, —
Мы все хвалу добру гласим,
Громады видим поучений,
Где ж исполнители? — не зрим.
Почто не зрим Сократов ныне?
Иль, вспоминая о судьбине
Печальной мудреца сего,
Никто на сцену не вступает,
Всяк на другого уповает,
Что сей свершит всё за него?

Не дочь химеры, предрассудка,
И не метеор я пустой,
Я ложного по свету звука
Не разношу моей трубой.
Ужели я тому виною,
Что славу ложную с прямою
Мешает человек всегда!
Тот только в храм ко мне вступает,
Кто добродетелью сияет,
А без её — нет в храм следа».

Сказала — и в одно мгновенье
Исчезла с блеском от меня!
Исчезло с ней и заблужденье,
Познав всю цену слов ея.
О Слава! если то неложно,
Что добродетелью лишь можно
В божественный твой храм вступить, —
Когда ты лиц не различаешь,
Дела едины уважаешь,
То как злодеи могут быть?

<1804>

4. СТИХИ НА СОН

Хаос идей, призрак крылатый,
Забвенья сын, отзыв страстей, —
И раб в цепях, и Крез богатый,
И всё, что дышит в жизни сей,
Всё платит дань твоей державе.
Ты царствуешь богов ко славе,
Тебе жжёт смертный фимиам.

Ты Неба кажешь нам щедроту,
Вся в мире тварь жива тобой.
Какую зрим в тебе доброту!
Когда, рассыпав мак седой,
Природы пульс останавлиешь,
В свои объятия призываешь
И счастье в них вкушать даёшь.

Но всяк ли из людей вкушает
Покой эфирный, сладкий сей?
Ах, нет! злодей его не знает —
Ты для злодея сам злодей.
Вотще на розах ароматных
Мнит спать приятно враг несчастных;
Наступит ночь — тиран не спит.

Когда ж себя я вопрошаю:
О Сон! что в существе есть ты?
Коль брат ты смерти, то не знаю,
Как зреть могу твои черты?
Быв мёртвому тогда подобен,
Как быть могу к чему способен?
Как связь могу иметь с тобой?

Чтобы какие зреть виденья,
Потребно, мню я, для сего
Одну хоть искру воображенья, —
Нельзя сна видеть без того.
Я с сном мечтаний не мешаю,
Когда я сплю, я не мечтаю,
Когда ж мечтаю, то не сплю.

Так что же суть те сновиденья,
Которые нередко зрим?
Они суть плод воображенья,
В то время мы ещё не спим.
Дав мыслям вольное течение,
Мы погружаемся в забвенье,
Блуждая в хаосе идей.

Блуждая, наконец преходим
К забвенью полному, ко сну.
Воздушных замков уж не строим,
Не ездим более в луну.
Отдавшись силе сна волшебной,
Всё забывает добрый смертный
И спит спокойно до утра!

<1805>

5. ЛЮБОВЬ

Кто что ни говори! — жить без любви нельзя.
 Вселенная сия
 Любовью лишь хранится.
Притворный стоик в сем хотя не согласится,
 Но это не беда!
 Лишь физики, учёны господа,
 Меня тем удивляют,
Что мир из четырёх стихий сей составляют.
Без воздуха, воды, земли, огня
Весьма недолго бы, конечно, прожил я;
Да как же физики об этом позабыли,
То, через что они свою жизнь получили?
Ужели от стихий родились сих они?
Рождений мы таких не видим в наши дни.
Ах! лъзя ли не признать, что есть ещё стихия,
Которой действия и добрые и злые
 Мы видим, как и тех.
 Но сколько радостей, утех,
Пред прочими, сия всем смертным представляет!
 Она чью только греет кровь,
Тот вечно ею лишь одной дышать желает.
Прекрасная сия стихия есть — Любовь.

<1805>

6. ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЕ РОДИНЫ (Подражание Руссо)

Рогатов был влюблён — чему дивиться!
 Ведь это не беда,
 Когда
От страсти сердце загорится.
Есть средство от сея болезни и лечиться;
 Закон гласит:
 Изволь жениться.

Рогатов от сего не прочь,
Чем мучиться и день и ночь;
К возлюбленной своей Аликсе он спешит —
Страстнейшую любовь свою ей открывает
И говорит,
Что в свете он её всему предпочитает,
Что всею он душой Аликсу обожает,
И что бы счастлив был тогда своей судьбой,
Когда б владел её он сердцем и рукой.
Аликса не сурова,
И зря перед собой любовника такого,
Не может ни руки, ни сердца отказать;
Себя ему вручает,
И брак их узами своими соединяет.
Но надобно сказать,
Что не прошло ещё и месяцев пяти,
Как зрит уже Рогатов плод,
Который женский род
Приносит после девяти.
Смущение, тоска Рогатова объемлет,
Он сердится, крушится;
Аликса ж жалобам его печально внемлет
И случаю сему не может надивиться.
Но публика, что сказки любит,
А правду губит,
Вмиг разные молвы на счёт их разнесла —
Иные уверяют,
Что рано чересчур Аликса родила,
Другие ж утверждают,
Что плод их потому так скоро появился,
Что слишком поздно уж Рогатов наш женился.

<1798>

7. ЮЖНЫЙ ВЕТЕР И ЗЕФИР

«Какие всюду я ношу опустошенья:
Лишь дуну — всё падёт от страшных моих сил! —
Так, с видом гордого презренья,
Ветр южный кроткому Зефиру говорил. —
Крепчайшие древа я долу повергаю,
Обширнейших морей я воды возмущаю,
И бурь ужаснейших бываю я творец.
Скажи, Зефир, мне, наконец,
Не должен ли моей завидовать ты части?
Смотри, как различишься со мною ты во власти!
С цветочка на цветок порхаешь только ты,
Или над пёстрыми летаешь ты полями;
Тебе покорствуют лужочки и кусты,

А я, коль захочу, колеблю небесами». —
«Тиранствуй, разорь, опустошая мир,
Пусть будут все тебя страшиться, ненавидеть, —
С приятной тихостью сказал ему Зефир, —
Во мне ж пусть будет всяк любовь и благодать видеть».

<1798>

8. ТЕРНОВНИК И ЯБЛОНЯ

Вблизи дороги небольшой
Терновник с Яблонью росли;
И все, кто по дороге той
Иль ехали, иль шли,
Покою Яблоне нимало не давали:
То яблоки срывали,
То листья обивали.
В несчастье зря себя таким,
Довольно Яблоня с собою рассуждала;

Потом
Накрепко предприняла
Обиды все переносить
И всем за зло добром платить.
Терновник, близ её в соседстве возраста
И злобою себя единою питаю,
Чрезмерно тем был рад,
Что в горести, в тоске нет яблоне отрад:
«Вот добродетелям твоим какая мзда!
Вот что за них ты получила!
Но если б ты как я свою жизнь проводила,
То б ни несчастье, ни беда
Не смели до тебя вовеки прикасаться.
Ты стала б, как и я,
Покою наслаждаться».

Терновник, Яблоне слова сии твердя,
Над муками её язвительно смеялся.
Но вдруг — откуда, как, совсем не знаю — взялся
Прохожий на дороге той
И, Яблони прельстясь плодами,
Вдруг исполинскими шагами
Подходит к ней и мощною рукой
Всё древо потрясает;
Валятся яблоки сюда, туда,
К ногам Терновника иное упадет.
Прохожий же тогда,
Не мысля ни о чём, лишь только подбирает;
И как-то невзначай за терн он зацепляет —

Мгновенно чувствует он боль в руке своей,
Зрит рану и зрит кровь, текущую из ней,
И чаёт,
Что сея злее раны не бывает.
Правдива ль мысль сия?
Кто хочет, тот о том пускай и рассуждает:
Рука его, а не моя.
Но это пусть всяк знает,
Что в гневе, в ярости своей
Прохожий до корня Терновник отсекает.

Читатель! В басне сей
Ты можешь видеть ясно,
Что люди добрые хоть терпят и ужасно,
Хоть сильно гонят их, однако ж почитают,
Злодеев же тотчас немедля истребляют.

<1798>

9. ВЕРХОВАЯ ЛОШАДЬ

Все люди в свете сём подвержены страстям.
К несчастью, страсти их почти всегда такие,
Что следствия от них бывают им худые;
Всечасно нашим то встречается глазам,
Привержен как иной ко взяткам и крючкам,
Как сильно прилеплён другой к обогащенью,
Иной к вину, тот к развращенью,
Иной к игре, другой к властям...
А Клит, читатели, пристрастен к лошадям.
Нетрудно согласиться,
Чтобы полезнее то было во сто раз,
Когда бы всякий между нас
Ко пользе общества желал всегда стремиться;
Но, видно, этому так скоро не бывать!

Меж тем уж Клит идёт ту лошадь торговать,
Которую к нему недавно приводили,
Которою в нем страсть лишь пуще возбудили,
И Клит купил... Но что ж? Как лошадь ни статна,
Собой как ни красива,
Погрешность в ней тотчас открылася одна,
А именно: была весьма пуглива.
Однако этого не ставит Клит бедой,
Он сей порок весьма легко исправить чаёт;
И только что успел приехать он домой,
То способ вот какой на то употребляет:
Велел тотчас салфетку взять

И лошади глаза покрепче завязать.
Потом
Садится на неё верхом
И скачет близ всего,
Чего пугался конь до случая сего.
С завязанными конь глазами,
Не зря предметов пред собой,
Мчит смело седока, пыль взносит облаками.
И в ров глубокий водяной
С собою всадника с стремленьем вовлекает.

О вы, правители скотов или людей!
Заметьте через опыт сей,
Что тот безумно поступает,
Кто нужный свет скрывает
От их очей;
Что скот и человек, когда лишены зренья,
Опаснее для управления.

<1805>

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ПНИНУ

10. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ РОСКОШНЫМ И СКУПЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Роскошный человек, страстям предавшись всем,
Живёт, как будто бы он смерти ожидает;
Скупой же, напротив, всё деньги собирает,
Как будто вечно жить ему на свете сем.

<1798>

11. ЦАРЬ И ПРИДВОРНЫЙ *Сказка*

Случилось одному царю в Египте быть
И близ тех пирамид ходить,
Что чудом в свете почитают.
Скажу я правду всю
И ничего не утаю:
Царёво зрение пирамиды прельщают.
Придворные ж таких случаев не теряют
И превосходно знают,
Когда и как царю польстить.
И потому один так начал говорить:
«Великий государь! зри камня блеск того,

Что сверху прочие собою прикрывает,
И кои сделаны лишь только для него, —
Не верно ль, государь, сие изображает
Народ твой и тебя?
Не те ли меж тобой и им суть отношенья?..»
Так царь льстецу на то сказал:
«Мой друг, совсем с тобой противного я мненья,
И мыслить никогда, как ты, не буду я.
Я вижу истину сего изображенья,
Которое весьма ты ложно понимал,
И потому желаю,
Чтоб случай сей заметил ты,
Затем что важным я его весьма считаю:
Тот камень, что свой блеск бросает с высоты,
Разбился б в прах — частей его не отыскали, —
Когда б минуту хоть одну
Поддерживать его другие перестали.»

<1805>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биография из энциклопедии Брокгауза-Эфрона

Пнин (Иван Петрович, 1773-1805) — поэт-публицист. Получив образование в Московском университетском пансионе, а потом в артиллерийском и инженерном корпусе, Пнин (незаконнорожденный сын Репнина) служил в артиллерии, затем в департаменте народного просвещения. 15-ти лет он написал первую «оду», за которой последовал целый ряд других. В отличие от современных ему «одописцев», Пнин воспевал в них «нравственные совершенства человека», протестовал против насилия, унижения и рабства. В оде «Человек», направленной, очевидно, против Державина, Пнин требует освобождения человека от постыдного названия «червя»:

Какой ум слабый, униженный,
Тебе дать имя червя смел?
То раб несчастный, заключенный,
Который чувствий не имел.

В противовес Державину, Пнин, обращаясь к человеку, говорит:

Ты царь земли — ты царь вселенной,
Хотя ничто в сравненьи с ней,
Хотя ты прах один возженный,
Но мыслию велик своей.

В одах: «На правосудие» и «Надежда» Пнин в ярких красках рисует тяжелое положение крепостных. В 1798 г. Пнин, вместе с А. Ф. Бестужевым, издавал «Санкт-Петербургский Журнал», в котором, наряду с сентиментальными повестями в духе того времени печатались также публицистические заметки в защиту пользы необходимости широкого просвещения. В форме разговора калифа и его визиря Пнин приводит и разбивает все возражения против просвещения, навеянные французской революцией и распространявшиеся в русском обществе. Развитию литературной деятельности Пнина в этом направлении особенно способствовало начало царствования Александра I. Он примкнул к той группе молодых петербургских писателей, из которой составилось «Вольное общество любителей словесности наук и художеств». Стихотворения его, написанные в это время, печатались в «Журнале Российской Словесности» и «Журнале для пользы и удовольствия», а по смерти Пнина — в «Благонамеренном» и «Пантеоне русской поэзии». Свой взгляд на образ правления Пнин выразил в басне «Царь и придворный». Придворный сравнивает царя с верхним камнем пирамиды, а нижние основные камни — с народом, созданным для него. На лесть придворного царь отвечает словами:

Тот камень, что свой блеск бросает с высоты,
Разбился б в прах — частей его не отыскали,
Когда б минуту хоть одну,
Поддерживать его другие перестали.

В книге «Опыт о просвещении относительно России», Пнин, исходя из мысли, что просвещение не может мириться с рабством, высказывается за освобождение крестьян, с которыми «помещики поступают хуже, нежели со скотами, им принадлежащими». Общая цель, к которой должно стремиться просвещение, заключалась, по мнению Пнина, «в приготовлении России полезных сынов отечеству, а не таких, которые бы гнушались тем, что есть отечественного и презирали свой язык». Пнин предлагал обучать крестьян — земледелию, дворян — юридическим наукам, военных - военным, священников — декламации, а не древним языкам, никому не нужным и т. д. Книга Пнина разошлась очень быстро, но когда, в том же году (1801), автор представил её, с дополнениями, в цензуру для нового издания, оно было остановлено, так как, по словам цензора, автор «с жаром и энтузиазмом жалуется на злосчастное состояние русских крестьян, коих собственность, свобода и даже жизнь находятся в руках какого-нибудь капризного паши». По этому поводу Пнин написал диалог между «маньчжурскими» цензором и писателем, в котором цензор тщетно старается убедить наивного автора в том, что «не всякая истина должна быть напечатана». Испытав на себе всю тяжесть положения незаконнорожденных, Пнин обратился к Александру I с запиской: «Вопль невинности», в которой требует улучшения положения незаконных детей, совершенно незаслуженно обреченных законом на материальную и нравственную кару. Преждевременная смерть Пнина вызвала всеобщее сожаление, выразившееся в целом ряде речей, некрологов и стихотворений, с похвалами открытому и честному характеру Пнина, его доброте и гражданским добродетелям. Общество любителей словесности, избравшее Пнина в 1805 г. своим председателем, почтило память его особым заседанием.

Ср. статью Н. Прыткова («Древняя и Новая Россия», 1878, № 9) и «Сочинения» К. Н. Батюшкова (изд. П. Н. Батюшкова, Санкт-Петербург, 1887, т. 1).

В. Боцяновский